

РОССИЙСКИЙ ЛЕВИАФАН ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МОДИФИЦИРОВАННОЙ КОНЦЕПЦИИ «УЗКОГО КОРИДОРА»

Беляков Глеб Сергеевич,
Жуликов Артем Александрович
*студенты магистратуры,
МГУ имени М.В. Ломоносова, экономический факультет
(г. Москва, Россия)*

Аннотация

Концепция «узкого коридора» Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, объясняющая взаимосвязь между политическим развитием и экономическим процветанием, запустила широкую дискуссию в зарубежной и российской научной литературе. В ходе ее был высказан ряд критических замечаний, преодолению которых посвящена наша работа. В качестве направлений для развития концепции предлагаются предпосылка о признании неоднородности Левиафана, а также учет факторов, ограничивающих «предельные границы» его власти в вертикальном и горизонтальном измерениях: технологический прогресс (в том числе в области передачи информации) и усложнение политической организации. Для демонстрации преимуществ модифицированной модели мы рассматриваем специфический кейс развития российской государственности через призму концепции.

Ключевые слова: узкий коридор, Левиафан, деспотический экономический рост, экономическая история России, модифицированная модель.

JEL коды: N00, O43.

Для цитирования: Беляков Г.С., Жуликов А.А. Российский Левиафан через призму модифицированной концепции «узкого коридора» // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2023. Том 15. Выпуск 3. С. 50-67. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-3-50-67.

Введение

Проблема связи между политическим устройством и экономическим благосостоянием и поиск «идеального» политического устройства стали предметом изысканий многих мыслителей, начиная с античных философов и заканчивая идеологами либеральной демократии XX в. Эти теории условно можно назвать «стационарными», предполагающими достижение конечной точки развития общества. Современная наука, прошедшая через «горнило» постпозитивизма, отказалась от данной идеи в пользу «динамических» теорий, дающих инструментарий для более строгого описания взаимодействия политических и экономических институтов.

Пожалуй, в полной мере избавиться от нормативной составляющей не может ни один исследователь, однако преодоление метафизики – большой шаг в развитии знания.

Концепция «узкого коридора» является одной из наиболее примечательных «динамических» концепций, объясняющих причины экономического процветания одних стран в противовес стагнации других через дихотомию «сила общества» и «сила государства»¹. Ее авторы, Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон, последовательно развивали свои идеи в работах «Экономические истоки диктатуры и демократии» (2005), «Почему одни страны богатые, а другие бедные» (2016) и «Узкий коридор. Государства, общества и судьба свободы» (2019). Рассмотрению последней работы посвящено наше исследование.

Разобрав теоретические предпосылки и основные направления критики, мы представим вариант модификации концепции «узкого коридора», который позволит дать более точную оценку эволюции крупных государственных образований. Мы предлагаем дополнить концепцию следующими факторами:

1) технологический прогресс (в том числе в области передачи информации) и усложнение политической организации, которые делают возможным создание по-настоящему устойчивых Обузданных Левиафанов, имеющих ресурсы для противостояния деспотическим соседям;

2) признание факта неоднородности Левиафана: особенно ярко это проявляется в крупных государствах, когда политическая элита не может «дотянуться» до отдаленных территорий, что влечет за собой снижение силы государства на периферии – горизонтальное измерение; неоднородность Левиафана возможна и в вертикальном измерении, когда политическая элита опирается на клетку норм на низовом уровне общественной организации².

В завершающей части работы мы используем модифицированную модель для краткого рассмотрения истории развития российской государственности, начиная с Древней Руси и заканчивая распадом СССР. Таким образом, мы продолжаем исследование Аджемоглу и Робинсона, затрагивающих в своих работах историю Советской России. Представляется, что специфический кейс нашей страны лучше всего подходит для демонстрации преимуществ модифицированной модели «узкого коридора».

1. Четыре ипостаси двуликого Левиафана

Ключевая идея концепции «узкого коридора» заключается в рассмотрении соотношения силы общества и государства в динамике (Acemoglu, Robinson, 2017; Аджемоглу, Робинсон, 2021), которое порождает одного из четырех Левиафанов: Отсутствующего, Деспотического, Обузданного или Бумажного (рис. 1).

¹ Доминирование государства приводит к появлению Деспотического Левиафана, доминирование общества – к созданию Отсутствующего Левиафана, равновесие сил позволяет перейти к Обузданному Левиафану, который благоприятствует экономическому развитию. Подробный анализ концепции представлен в следующем разделе.

² Аджемоглу и Робинсон, в частности, рассматривают пример осуществления советской власти в Среднеазиатских республиках, которая опиралась на клановую структуру общества. В рамках нашей работы мы стремимся развить данную идею.

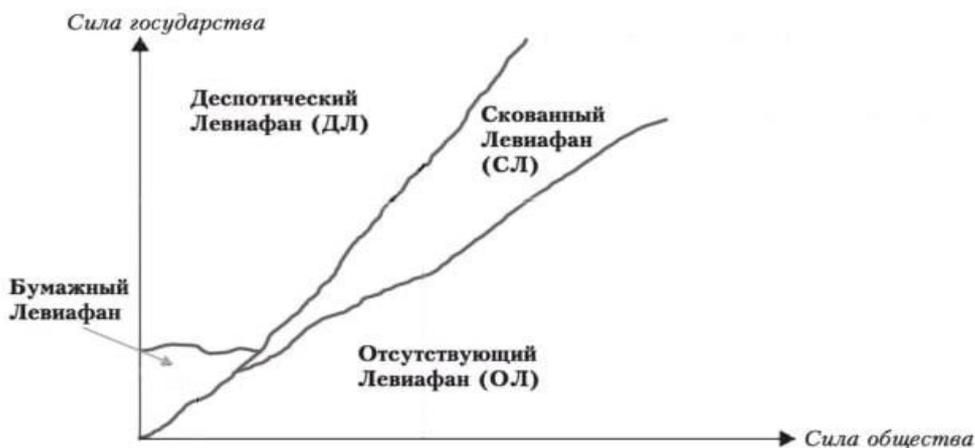

Рисунок 1. Эволюция Деспотического, Обузданного (Скованного) и Отсутствующего Левиафанов³

Левиафан – образ библейского чудовища, предложенный английским философом Томасом Гоббсом (Гоббс, 1989) для описания государства, образованного соглашением между индивидами для прекращения войны всех против всех и обладающего монополией на насилие. Аджемоглу и Робинсон пересматривают идеи Гоббса, говоря о Левиафане как о совокупности политических институтов, подчиненных правящей элите, в противовес обществу – социальным группам, не имеющим непосредственных рычагов осуществления власти. Левиафан двулик: с одной стороны, он останавливает хаос, а с другой – сам порождает насилие, стремясь подчинить общество своей власти, – это заложено в его «ДНК».

Доминирование государства при отсутствии контроля со стороны общества ведет к становлению Деспотического Левиафана (фактически тот самый гоббсовский Левиафан). Политические элиты получают контроль над экономической деятельностью общества, что препятствует рыночной конкуренции и, в конечном счете, вредит экономическому развитию. Вместе с тем деспотический экономический рост (термин из Аджемоглу, Робинсон, 2021) возможен – до тех пор, пока он выгоден политической элите⁴. Но обретение контроля над ресурсами порождает политические амбиции, а потому рост благосостояния населения искусственно затормаживается. Элита предпочитает пожертвовать развитием страны для сохранения статус-кво.

Возможна и обратная ситуация. Если общество оказывается сильнее государства, политические институты выхолащиваются, появляется Отсутствующий Левиафан, который может «являть себя» в двух образах: в форме войны всех против всех (по Гоббсу) и в качестве «клетки норм», представляющей собой безгосударственную общественную самоорганизацию, жестко подчиненную неформальным институтам. Клетка норм также может быть двух видов: поддерживающая эгалитарные нормы или жесткую социальную иерархию (кастовая система Индии) (Аджемоглу, Робинсон, 2021, с. 58).

³ составлено авторами на основе: Шаститко, 2020

⁴ Согласно мнению Аджемоглу и Робинсона, деспотический рост достигается за счет масштабного перераспределения ресурсов между секторами экономики, а потому на короткой дистанции может дать относительно больший эффект, чем интенсивный рост, возможный при Обузданном Левиафане. Ярким примером здесь служит СССР, добившийся прорывов в ВПК, космической и ядерной программах. Однако долгосрочный экономический рост, согласно классическим представлениям экономистов, требует свободы частной собственности, торговли, инвестиций и инноваций – все это не может быть обеспечено при Деспотическом Левиафане (Mankiw, Romer, Weil, 1992, а также Аджемоглу, Робинсон, 2021, с. 173). Людей можно заставить работать, но нельзя заставить быть креативными. Инновации подразумевают метод проб и ошибок: риск ради большого куша. При Деспотическом Левиафане люди не заинтересованы в активной экономической деятельности, так как результаты их труда в любой момент могут оказаться в руках государства. А потому деспотический рост оказывается эффективным только на короткой дистанции.

Отсутствующий Левиафан препятствуют экономическому развитию общества. Война всех против всех схожа с состоянием блуждающего бандита в терминологии Мансура Олсона (Олсон, 2010); она предполагает полное отсутствие стимулов для долгосрочного развития, так как частная собственность ничем не защищена. Клетка эгалитарных норм, в свою очередь, ведет к остракизму тех членов общества, которые достигают экономического благосостояния, поскольку они считаются потенциально опасными для установленного равенства. Клетка иерархических норм, вероятно, в большей степени способствует развитию, так как в целом предполагает создание материальных излишков. Однако излишки концентрируются в руках наследственной элиты (брахманы в случае Индии), что препятствует созданию по-настоящему инклюзивных институтов, создающих стимулы для интенсивного экономического роста⁵.

Бумажный Левиафан появляется в том случае, когда Деспотический Левиафан теряет свою силу и дряхлеет, снижая контроль над обществом. Зачастую он встречается в постколониальных государствах и сочетает в себе худшие характеристики Деспотического и Отсутствующего Левиафанов: слабыми оказываются и общество, и государство. Бумажный Левиафан репрессивен, но не силен; «слаб сам по себе и ослабляет общество» (Аджемоглу, Робинсон, 2021, с. 511). Бумажный Левиафан катастрофичен для экономического процветания: государственная власть не только не защищает частную собственность и не разрушает клетку норм, но и сама становится одним из участников войны всех против всех, используя насилие в корыстных целях элиты.

Только при балансе сильного общества и сильного государства возможно появление Обузданного Левиафана, предполагающего интенсивное экономическое развитие; путь к нему лежит через узкий коридор – особую траекторию движения в координатной плоскости «сила государства – сила общества». Войти в него можно в точке перелома, когда обе силы уравновешиваются, а социальные группы создают широкую коалицию, в которой ни одна из них не способна узурпировать власть (Аджемоглу, Робинсон, 2016).

Общества, сумевшие войти в узкий коридор, развиваются в условиях так называемого Эффекта Красной королевы. Эту метафору Аджемоглу и Робинсон позаимствовали из сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес»⁶. Суть его проста: для того, чтобы поддерживать баланс сил между государством и обществом, необходимо, чтобы они беспрестанно развивались и усиливали друг друга. А потому по-настоящему сильным может стать только тот Левиафан, который находится под общественным контролем. Обузданный Левиафан, таким образом, – результат непрерывной борьбы между обществом и элитой. И в этом динамическом равновесии рождаются инклюзивные институты, необходимые для экономического процветания страны (Аджемоглу, Робинсон, 2021, с. 74).

Современными примерами Обузданного Левиафана могут считаться Великобритания, США, Франция, Германия, Япония и другие развитые демократические страны. Впрочем, «обитает» Обузданный Левиафан не только в европейской культуре. И это особенно подчеркивают Аджемоглу и Робинсон. Концепция авторов универсальна, в истории существовали примеры, когда Обузданный Левиафан был построен в других частях света. К примеру, в долине Оахака в Древней Мексике примерно в 500 г. до н. э. Вероятно, примерами политических образований, вступивших на долгий путь создания по-настоящему Обузданного Левиафана,

⁵ Под инклюзивными институтами авторы понимают институты, позволяющие широким слоям населения участвовать в экономической и политической деятельности общества (Аджемоглу, Робинсон, 2021, с. 214).

⁶ Красная королева сказала Алисе: «У нас приходится нестись из последних сил, чтобы лишь удержаться на месте» (Аджемоглу, Робинсон, 2021).

также могут считаться древнекитайские города, существовавшие до политической централизации (Аджемоглу, Робинсон, 2021, с. 755), Новгородская республика и, конечно, Афины.

Но попадание в узкий коридор вовсе не означает, что будущее страны предопределено раз и навсегда. Из узкого коридора легко вылететь, зафиксироваться в одной точке не получится. Конечно, опыт построения Обузданного Левиафана несколько расширяет границы узкого коридора, помогая удержаться в его рамках – своеобразная историческая колея; тем не менее любое – даже самое демократическое – государство способно «проиграть» обществу или же, напротив, усилить контроль и превратиться в Деспотического Левиафана. В качестве примера такой трагедии авторы приводят Веймарскую республику, павшую под напором национал-социализма («деспотизм снизу») ⁷. Основная цель работы «Узкий коридор», таким образом – выявление условий появления «оков», сдерживающих Левиафана.

2. Траектория движения в узком коридоре

Для более полного понимания теоретических предпосылок концепции «узкого коридора» рассмотрим дополнения, которые авторы сделали относительно своих прошлых работ. Это (1) траектория движения страны в координатной плоскости «сила государства – сила общества», и (2) те причины, которые на нее влияют, – структурные факторы. Последние можно определить как относительно стабильные обстоятельства, не поддающиеся изменениям. Структурные факторы, по мнению авторов, имеют условный характер. Это означает, что они могут приводить к различным последствиям, в зависимости от стартовой точки баланса сил между государством и обществом.

Так, распад Советского Союза (и социалистического лагеря) как структурный фактор привел Польшу, изначально обладающую большими политическими свободами, без опыта коллективизации и массовых репрессий, в узкий коридор, способствующий экономическому развитию. Россия, стартовавшая в 1991 г. с куда более «деспотических» позиций, не сумела воспользоваться открывшимися возможностями и после нескольких лет развития демократии вновь устремилась в сторону деспотизма. Границы ее коридора в силу исторического наследия оказались более узкими, чем у Польши, и страна «проскочила» их, не сумев зафиксировать положение. Во многом это было связано с действиями политического руководства, осуществившего приватизацию в интересах узкой прослойки элит, а также использующего антидемократические инструменты политической борьбы – эффект Красной королевы не заработал. В свою очередь, Таджикистан после распада СССР и вовсе погрузился в гражданскую войну между клановыми структурами (Отсутствующий Левиафан), которые так и не были разрушены за время существования Советского Союза.

С позиции доработанной концепции авторы пересматривают некоторые кейсы из работы «Почему одни страны богатые, а другие бедные» (2016). Так, последствия распространения чумы с массовым вымиранием населения в странах Западной Европы привели к разрушению феодального строя, а в Восточной Европе – к вторичному закрепощению. Ранее это объяснялось незначительными институциональными различиями (большая свобода городов в Западной Европе, меньшая власть феодалов). Теперь же аргумент логично встраивается в обновленную теоретическую модель: различные траектории европейских стран объясняются

⁷ Красная королева в Веймарской республике оказалась «сломанной»: из-за сильной дифференциации политических групп борьба между ними превратилась в игру с нулевой суммой. Весомый вклад в деградацию демократических институтов внесли и консервативные землевладельческие элиты, которые попытались воспользоваться правыми радикалами для борьбы с левыми и либеральными силами.

изначальным положением в системе координат «сила государства – сила общества». Вначале разница почти незаметна, но именно эти малые различия под воздействием структурного фактора в виде эпидемии привели к противоположным траекториям развития и, как следствие, разному уровню благосостояния.

Еще одним важным нововведением в концепции стал фактор «агентности», который объясняет роль личности в истории. Согласно точке зрения Аджемоглу и Робинсона, в условиях, когда перед обществом открываются перспективы открытого коридора, крайне высока роль политиков, способных справиться с личными амбициями. В Афинах таким правителем был Солон, избежавший соблазна подчинить город своей личной власти и начавший разрушение клетки норм. В свою очередь, существуют куда более многочисленные примеры лидеров, которые не сумели преодолеть «волю к власти» (здесь Аджемоглу и Робинсон используют термин Ф. Ницше), что привело к становлению Деспотического Левиафана: Чака в Зулуленде, король Гавайев Камеамеа, Борис Ельцин в России. Это говорит о том, что конец истории так и останется интеллектуальной абстракцией XX в. В истории нет определенности, есть только вероятности, и у государств всегда остается шанс на изменения – к сожалению, далеко не всегда позитивные.

3. Модифицированная модель

Несмотря на высокую объяснительную силу модели, в научной среде она обоснованно критикуется по трем основным направлениям. Во-первых, интерпретация некоторых кейсов в работах Аджемоглу и Робинсона несколько расходится с историческими фактами. Например, авторы «Узкого коридора» называют американский Левиафан Обузванным с XVIII в., хотя еще в XIX в. американское общество вело кровопролитную гражданскую войну, а расистская клетка норм просуществовала вплоть до середины XX в. (Шаститко, 2020).

Во-вторых, часть авторов критикует концепцию «узкого коридора» за упрощенную методологию. Аджемоглу и Робинсон рассматривают противостояние государства и общества как двустороннюю игру, тогда как в действительности в этой игре принимает участие множество коалиций с обеих сторон (Dixit, 2020). Вызывает вопрос и формулировка основных понятий: «силу общества» авторы определяют через его способность противостоять государству (Verma, 2019). При этом способность сковать Левиафана определяется силой общества – иными словами, наблюдается замкнутый круг.

Кроме того, авторы не поясняют, каким образом характеризовать тип Левиафана в крупных государственных образованиях: в среднем в рамках границ или же по ситуации в столице? (Шаститко, 2020). Очевидно, что сила государства в центре страны далеко не всегда равна его силе на периферии. Каким бы деспотическим ни был крупный Левиафан, большую часть истории он не мог «дотянуться» до собственных отдаленных территорий. А потому, на наш взгляд, в некоторых случаях разумно говорить о существовании единого Левиафана в разных ипостасях⁸. Такие выводы, в частности, можно сделать на основе работы Р. Коуза и Н. Вана «Как Китай стал капиталистическим» (Coase, Wang, 2016). Взрывной экономический рост Поднебесной авторы объясняют децентрализацией, частичным уходом Деспотического

⁸ В данном случае, несмотря на сосуществование разных типов Левиафана (Деспотического, Отсутствующего или Обузданного), мы по-прежнему будем иметь дело с одним государственным аппаратом.

Левиафана из экономики, созданием особых экономических зон, которые открыли доступ для рыночной конкуренции и появления крупных частных компаний⁹.

В-третьих, одним из серьезных «пробелов» концепции «узкого коридора» является факт рассмотрения Левиафана в отрыве от контекста международных отношений (Dixit, 2020). Внешняя угроза, таким образом, представляется лишь одним из многочисленных структурных факторов, влияющих на траекторию движение страны. Однако зачастую она имеет решающее значение с точки зрения выживания Левиафана.

Греческие полисы были захвачены Александром Македонским, Северная Италия оказалась под контролем Австрии и Франции, мексиканские города также исчезли с исторической арены под воздействием внешних сил; Новгородская республика оказалась захвачена Москвой, власть в которой, в свою очередь, становилась все более авторитарной под воздействием внешних угроз. По нашему мнению, эти «неудачи» Обузданных Левиафанов в первую очередь связаны с тем фактом, что они имели меньшие ВВП, территорию и население по сравнению со своими деспотическими соседями.

Подобные идеи высказывались еще Ш.Л. де Монтескье в работе «О духе законов»: крупное государство не может быть демократией в силу того, что в нем отсутствуют механизмы взаимодействия разных групп населения; они удерживаются исключительно силой деспотизма (Монтескье, 1955). Развивая идеи философа, можно сказать, что система представительства (и тем более прямой демократии) сложно реализуема в крупных доиндустриальных обществах, а потому государства с соответствующими режимами исторически не обладали ресурсами, достаточными для защиты от внешней угрозы¹⁰.

Для дополнения концепции «узкого коридора» кажется разумным обратиться к идеям автора энергетической теории власти Р. Адамса (Adams, 1975). Согласно точке зрения исследователя, на эволюцию государственности влияют (1) технологический прогресс в области контроля над ресурсами (в том числе передача информации на большие расстояния) и (2) возрастание сложности политической организации – с развитием этих факторов увеличивается способность Левиафана осуществлять контроль над территорией.

Именно технологический прогресс и развитие госаппарата позволяют Левиафану получить относительно полный контроль над территорией страны, а Обузданным Левиафанам, для существования которых необходима координация действий множества социальных групп, – «разрастись» до таких масштабов, чтобы выжить в окружении деспотических соседей. Исторически их «информационная граница» была уже, однако с появлением более современных средств передачи информации эта проблема исчезла. Именно поэтому создание по-настоящему стабильного Обузданного Левиафана не могло произойти раньше появления современной государственности, которая связана с индустриальной революцией (Манн, 2018).

⁹ Работа, в частности, дает основания для критики концепции «узкого коридора» в контексте деспотического роста Китая. Авторы убедительно доказывают, что экономический рост страны был обусловлен скорее частичным уходом этого Левиафана из экономики, нежели деспотическим экономическим ростом.

¹⁰ США в данном случае – исключение, подтверждающее правило. Во-первых, создание американского государства как демократического, а не деспотического сопровождалось колоссальной интеллектуальной работой отцов-основателей, которые опирались в том числе и на идеи Монтескье (Lamberti, 1991). Во-вторых, изначально США формировались как де-факто конфедерация более мелких республик, и до сих пор штаты обладают достаточно высоким уровнем самостоятельности. В-третьих, у США отсутствовал внешний враг, способный уничтожить американского Левиафана: к моменту обретения независимости метрополия (Великобритания) не имела ресурсов для контроля над территориями Нового света.

Интересно, что при внесении этого дополнения в концепцию «узкого коридора», мы можем обнаружить ее схожесть с концепцией других классиков нового институционализма – теорией «социальных порядков» Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста, согласно которой общества с «порядком открытого доступа» появляются как раз после второй экономической революции (North, Wallis, Weingast, 2009). В частности, она приводит к совершенствованию механизма защиты прав собственности, что, в свою очередь, является ключевым элементом концепции «узкого коридора» (Шаститко, 2020). Таким образом, примитивные порядки будут соответствовать безгосударственным обществам, хрупкое государство – Бумажному Левиафану, базисное и зрелое государство – Деспотическому, и наконец порядки открытого доступа станут аналогом Обузданного Левиафана. Однако существует одно важное отличие: концепция «узкого коридора» допускает возможность деградации Обузданного Левиафана, в то время как концепция «социальных порядков» не рассматривает возможность подобного «отката».

Вооружившись рассмотренным инструментарием, воспользуемся модифицированной концепцией «узкого коридора» для оценки российского Левиафана. Представляется, что специфический российский кейс продемонстрирует нам преимущество предложенных направлений развития теории Аджемоглу и Робинсона. Кроме того, исследование позволит взглянуть на прошлое России под новым углом и даст материал для оценки перспектив трансформации современной российской государственности.

4. «Дальше Сибири не сошлют»¹¹

Древняя Русь до монголо-татарского нашествия – часть европейской городской цивилизации, отличающаяся весьма развитыми ремеслами (Рыбаков, 2016). Несмотря на существование княжеской власти, Русь сохраняла традиции народного самоуправления (вече), которые зачастую оказывались сильнее княжеской власти. Так, известно, что Владимир Мономах был приглашен на киевский престол после народного восстания, спровоцированного обнищанием населения, и был вынужден согласиться на улучшение благосостояния обычных киевлян (Рыбаков, 1982). Вместе с тем в северо-восточных княжествах доминировали молодые города, в создании которых ключевую роль играла политическая элита и в которых традиция народного самоуправления была слаба. Именно там, на Северо-Востоке Руси, где горожане исключались из правящей коалиции, и зарождается российский Деспотический Левиафан.

В силу географической удаленности от степи монголо-татарское нашествие в меньшей степени затронуло Северо-Восток, он же стал центром объединения раздробленных княжеств, что потребовало дополнительной централизации государственного аппарата и усиления Деспотического Левиафана (Зимин, 1991; Черепнин, 2013). В XVI в. Деспотический Левиафан поглотил Новгородскую республику, сохраняющую вечевую традицию и во многом следовавшую в логике развития европейских торговых городов. А опричнина, устроенная Иваном Грозным, была нацелена на подчинение боярских родов (де-факто наследие клетки норм) царю (Деспотическому Левиафану). В качестве дополнительного фактора, способствующего усилению Деспотического Левиафана можно выделить эпидемию чумы: в XVI–XIX вв. происходит вторичное закрепощение крестьян (Милов, 2006), что, в целом, характерно для Восточной Европы (Валлерстайн, 2015).

¹¹ «Дальше Сибири не сошлют», – говорит один из героев фильма Андрея Кончаловского «Сибиряда» (1978). В отдаленной Сибири человек оказывался более свободным, чем в центральной части России, под пристальным вниманием властей.

Вместе с тем, в XVII в. мы можем видеть период ослабления деспотизма Левиафана. Смутное время способствовало мобилизации населения, первые цари династии Романовых чувствовали свою несамостоятельность и были вынуждены советоваться с представителями сословий (Земский собор). Первый Земский собор был созван еще во время Ивана Грозного в 1549 г. для решения вопросов о царском Судебнике и реформах «Избранной рады», которые подразумевали в том числе усиление местного самоуправления (губная и земская реформы). И это показательный пример: даже, казалось бы, «деспотический» царь не мог в полной мере освободиться от воли общества и опирался на него в противостоянии с боярскими родами (Зимин, 1960; Зимин, 1964).

В это время на южных рубежах России расцветала казачья вольница, а в Сибири в скором времени обособятся общины старообрядцев, не согласных с реформами Никона – все это бегство от Деспотического Левиафана в те районы, до которых он (пока что) «дотянуться» не мог¹².

Впрочем, к концу XVII в. с усилением царской власти значение Земских соборов падает. Реформы Петра I (в частности, Табель о рангах) и становление империи еще более усиливают Деспотического Левиафана, подчиняя ему Церковь и казачество (Григорьев, 2023). Весь XVIII в. проходит под тенью Деспотического Левиафана, элита (прежде всего гвардия как силовая структура) боролась за власть, но население оставалось крайне бедным (на уровне жителей колониальной Индии) и закрепощенным, что выливалось в крестьянские бунты. Так, при императрице Екатерине II, вынужденной фактически покупать лояльность элиты, под крепостную зависимость попало около 800 тыс. крестьян¹³.

Интересно, что с Индией Россию роднит не только бедственное положение крестьянства. Как и британская администрация, российская власть опиралась на клетку норм в виде крестьянской общины, которая просуществует до начала XX в. Таким образом, в Российской империи сосуществовали Деспотический Левиафан, тянущий «щупальца» из новой северной столицы, и Отсутствующий Левиафан, доминирующий на окраинах империи (горизонтальное измерение) и на самом «нижнем» ее уровне – в крестьянской общине (вертикальное измерение). А в казачьей вольнице и вовсе можно усмотреть зарождение Обузданного Левиафана, когда квазиполитические институты самоорганизации сосуществовали с сильным обществом, выбирающим атаманов.

Перспективным кажется и экономический анализ (рис. 2). В середине XVIII в. подушевой ВВП России превышал показатели Швеции. Однако во время правления Екатерины II (1762–1796), которое многие исследователи до сих пор рассматривают как «золотой век» российской государственности, наблюдается резкое (на 40%) падение ВВП на душу населения. Лучшим же периодом для российского общества XVIII в. стал период активных дворцовых переворотов, когда Деспотический Левиафан ослабел из-за внутриэлитных конфликтов и снизил степень контроля над населением.

¹² Русский религиозный философ Николай Бердяев еще в начале XX в. «прочувствовал» эту двойственность, когда писал о парадоксальном характере русского народа: «деспотизм, гипертрофия государства и анархизм; вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость... индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность...» (Бердяев, 1946). Русские, уверен Бердяев, – раскольники (в нашей терминологии – сторонники усиления общества в борьбе с Левиафаном). С одной стороны, народ смиренно строил деспотическое по своей сути государство, а с другой – уподоблялся сектам, отправлялся в скитания, бежал к казакам, горел идеей анархии.

¹³ Это число обусловлено закрепощением украинского крестьянства (Ключевский, 1989).

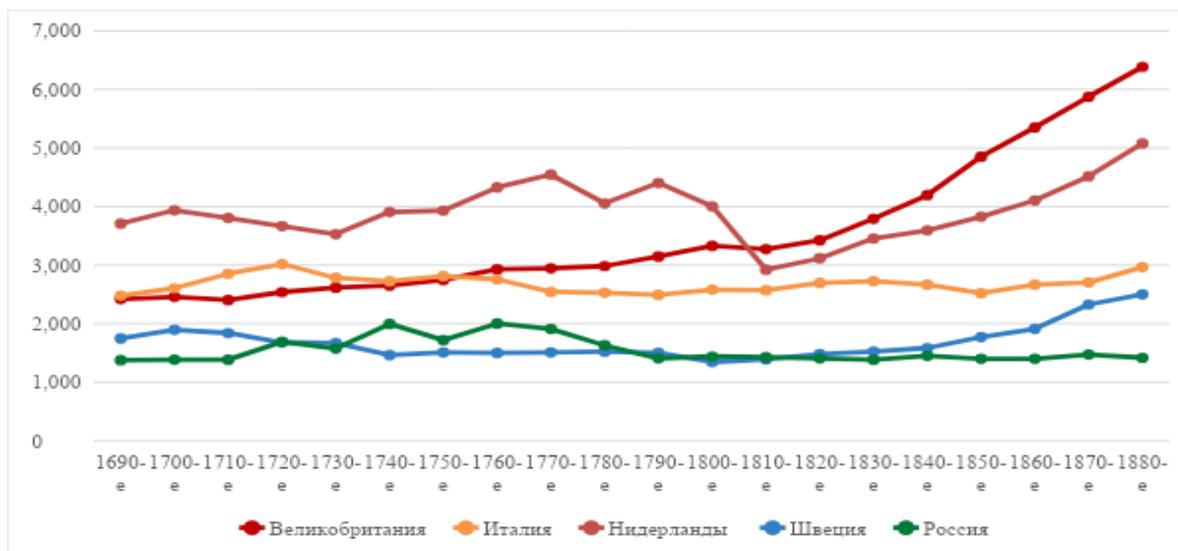

Рисунок 2. ВВП на душу населения в Российской империи и других европейских экономиках (1690–1880 гг., в долл. 2011 г.)¹⁴

Показатель ВВП на душу населения во время правления Александра III (рис. 3) оказался таким же, как в 1690-е гг., что объясняется высокими темпами прироста населения в Российской империи при крайне низком уровне развития промышленности (мальтузианская ловушка)¹⁵. Но даже во времена правления этого консервативного императора существовала общественная самоорганизация, проявившая себя, в частности, в работе земств.

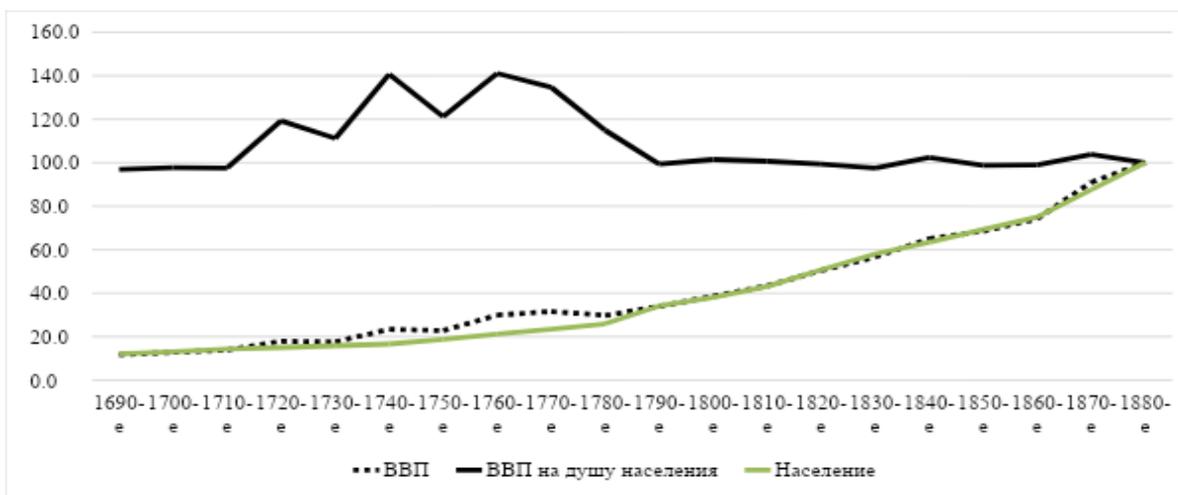

Рисунок 3. ВВП на душу населения в Российской империи (1690–1880 гг., в % к 1880-м гг.)¹⁶

А вот ситуация с СССР не так очевидна. В 1920-е гг. наблюдаются широкая мобилизация населения, создание многочисленных общественных объединений, новая экономическая политика (нэп), допускающая предпринимательскую деятельность, борьба с безграмотностью, открытие социальных лифтов для выходцев из низших слоев населения¹⁷. С другой стороны,

¹⁴ составлено авторами на основе данных Maddison Project Database 2020 (Bolt, van Zanden, 2020); Broadberry, Korchmina, 2022

¹⁵ Мальтузианская ловушка – распространенный в экономической истории и теории модернизации термин, обозначающий ситуацию, в которой обогащение населения (в ходе развития промышленности) способствует ускорению прироста населения, из-за чего подушевой ВВП остается неизменным или даже сокращается (Гринин, 2014).

¹⁶ Broadberry, Korchmina, 2022

¹⁷ Говоря о подобных процессах в Веймарской республике, Аджемоглу и Робинсон делают вполне однозначный (хотя и небесспорный) вывод о постепенном движении страны по узкому коридору, которое закончилось

существовал госконтроль над крупными предприятиями, отсутствовали политический плюрализм и инструменты для смены политической элиты.

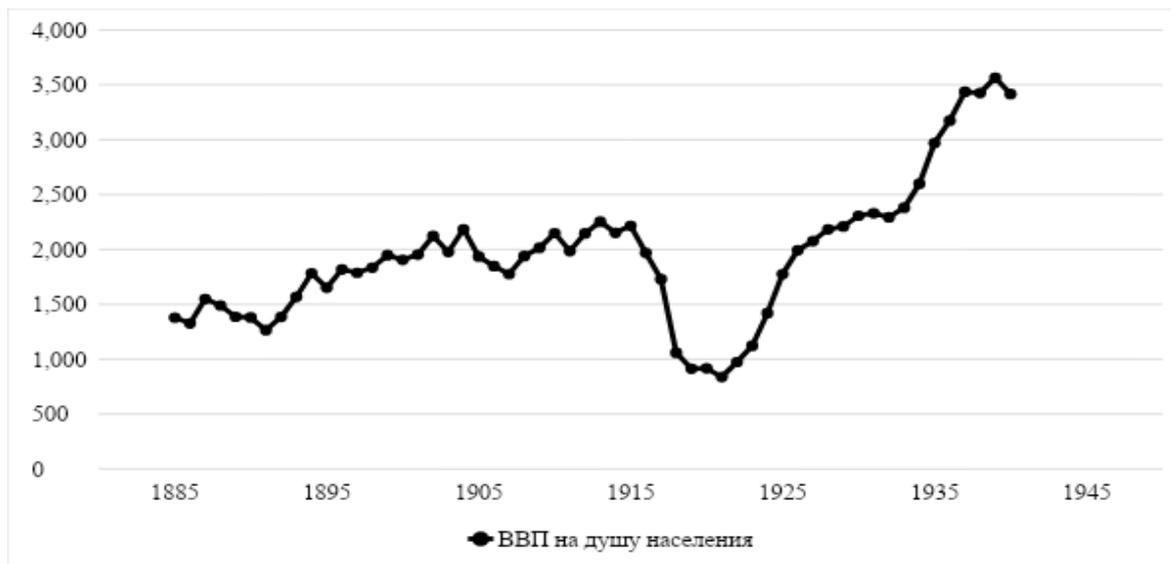

Рисунок 4. ВВП на душу населения в России (1690–2000 гг., в долл. 2011 г.)¹⁸

Последствия видны на рис. 4: после окончания Гражданской войны наблюдается скачок подушевого ВВП, контрастирующий с предшествующими тридцатью годами относительно медленного развития и первой сталинской пятилеткой (1928–1932). Это был шаг в сторону узкого коридора и инклюзивных институтов, который вновь закончился усилением государственной власти во время правления Сталина, сделавшего ставку на деспотический рост и новое закрепощение населения.

Исследователь Р.С. Аллен демонстрирует, что ставка на коллективизацию привела к резкому падению потребления в годы первой пятилетки, однако уже к 1937 г. фактический уровень потребления превысил аналогичный показатель в смоделированной экономике, предполагающей продолжение нэп (Аллен, 2003, с. 212). Деспотический экономический рост, таким образом, действительно оказался эффективен в краткосрочной перспективе, что заметно и по графику на рис. 4 (вторая пятилетка и далее), однако его издержками стали широкомасштабные репрессии и снижение гражданских и политических свобод.

После смерти Сталина перед СССР вновь открылась перспектива узкого коридора. Однако необходимые реформы по либерализации экономики (косыгинские реформы), обновлению партийного аппарата и повышению участия граждан в политике так и не были воплощены в жизнь. С приходом к власти Брежнева Деспотический Левиафан начал деградировать. Несмотря на попытки реформирования государства во время правления Андропова и Горбачева, Советский Союз начал превращаться в Бумажного Левиафана: преобразования слишком затянулись¹⁹.

уходом к Деспотическому Левиафану. При этом СССР авторы рассматривают исключительно в контексте Деспотического Левиафана, что кажется излишним упрощением.

¹⁸ по Maddison Project Database 2020 (Bolt, van Zanden, 2020)

¹⁹ В данном вопросе интересна точка зрения экономиста Р.С. Аллена. Исследователь считает, что экономический кризис в СССР был обусловлен не потерей мотивации у рабочих и руководителей предприятий, в чем часто обвиняют плановую экономику, а (1) внешним фактором в виде холодной войны, заставившим переориентировать ресурсы в ВПК, и (2) отсутствием грамотного планирования. Эпоха избыточных трудовых ресурсов закончилась, а природные ресурсы оказались выработаны. Стране нужен был новый курс – на закрытие старых предприятий с переводом рабочих на площадки с высокой производительностью. И если в западных странах

Вместе с тем Деспотический Левиафан в СССР не был однороден. Как отмечают Аджемоглу и Робинсон, в азиатских республиках власть опиралась на клетку норм в виде сохранившейся клановой структуры, а отдаленные регионы страны по-прежнему оставались вне зоны досягаемости Деспотического Левиафана.

Россия в 1990-е гг., стартовав с позиции Деспотического Левиафана, вновь оказалась в точке перелома. Страна не сумела воспользоваться шансом и войти в узкий коридор, после нескольких лет развития демократических институтов начав последовательное движение в сторону Деспотического Левиафана. Но ситуация небезнадежна. История не предопределена, и, в отличие от Китая, в России традиция народного самоуправления оставалась «живой», о чем, в частности, свидетельствует активная партийная организация в 1990-е гг.

Заключение

Несмотря на концептуальную простоту и интуитивную понятность концепции «узкого коридора», важно не абсолютизировать ее объяснительную силу. Необходимо помнить, что зависимость экономического развития от политических институтов далеко не всегда имеет прямой однонаправленный характер; встраивание исторических процессов разных стран в разные исторические периоды в координатную плоскость «сила государства – сила общества» неизбежно приводит к концептуальным упрощениям; а институты не являются единственным фактором регуляции деятельности общества. Высока роль неформальных правил и культуры, которая представляет собой относительно устойчивую систему ценностей и выступает в качестве первичной категории по отношению к институтам (Трубицын, 2020).

Тем не менее концепция Аджемоглу и Робинсона, как и другие универсальные макроконцепции (например, теория модернизации или мир-системный анализ), предлагает широкую оптику для рассмотрения исторического развития государственности. Это может дать новое знание и даже заставить пересмотреть некоторые стереотипы, сложившиеся в научной среде. Работу «Узкий коридор. Государства, общества и судьба свободы» следует воспринимать как очередной важный шаг к построению новой институциональной теории государства, объясняющей связь политических и экономических институтов в контексте исторического развития.

Рассмотрев основные теоретические предпосылки концепции «узкого коридора», мы остановились на ее критике. Были выделены следующие «пробелы» теории: (1) рассмотрение Левиафана в отрыве от контекста международных отношений, (2) предпосылка об «однородности» Левиафана на территории страны. На основе критических тезисов, изложенных в российской и зарубежной литературе, мы предложили собственные направления для модификации концепции (с опорой на Adams, 1975): (1) технологический прогресс, в том числе в области передачи информации, и (2) усложнение политической организации, которые позволяют Левиафану усилить власть как в вертикальном измерении (уровень общины), так и в горизонтальном (периферийные территории). Развитие указанных факторов создает условия для становления по-настоящему «живучих» крупных Обузданных Левиафанов, которые обладают достаточными ресурсами для противостояния деспотическим соседям. Хронологически это

переход в постиндустриальную экономику случился благодаря наличию рынка, в СССР он мог произойти только посредством директивного управления. Как ни парадоксально, сильная сторона советской экономики, обеспечившая впечатляющий рост в 1920–1960-е гг., оказалась и наиболее слабой (Аллен, 2003, с. 278). На примере СССР мы видим минусы деспотического роста, когда при отсутствии контроля со стороны общества (и в отсутствии рынка) развитие страны зависит от воли, мотивации и таланта политической элиты.

происходит после индустриальной революции и появления современной государственности, что сближает концепцию «узкого коридора» с концепцией «социальных порядков» Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста.

Направления по модификации модели, представленные в нашей работе, с одной стороны, позволяют дать более точную оценку развитию крупных государственных образований, для которых характерно сосуществование разных типов Левиафана, а с другой – объяснить причины нестабильности Обузданных Левиафанов до XVIII–XIX вв., когда они были вынуждены противостоять более сильным деспотическим соседям.

В заключительной части работы модифицированная концепция Аджемоглу и Робинсона используется для демонстрации специфики развития российского Левиафана, начиная с Древней Руси и заканчивая XX в. Мы приходим к выводу, что в различные исторические периоды общество обладало серьезным влиянием на государство и Россия несколько раз приближалась к вхождению в узкий коридор и даже пересекала его границы (в начале 1990-х гг.). Однако из-за высокой инерции этих переходов и узости самого коридора в силу исторической коленки Эффект Красной королевы не был запущен, и страна не смогла закрепиться в рамках коридора и продолжить движение к Обузданному Левиафану.

Мы демонстрируем, что, как минимум до XX в., когда было сформировано индустриальное общество с развитым бюрократическим аппаратом, мы не вправе говорить о существовании единственного типа российского Левиафана. В частности, в Московском царстве наряду с Деспотическим Левиафаном, корни которого находились в столице, на Юге страны длительное время существовало безгосударственное общество казаков, до которых Левиафан не мог «дотянуться». Это же касалось отдаленных сибирских губерний и автономных сообществ старообрядцев, в которых сила государства зачастую стремилась к нулю (горизонтальное измерение), а также крестьянских общин даже в центральной части страны (вертикальное измерение).

Также мы приходим к выводу, что концепция узкого коридора хорошо согласуется с данными о подушном ВВП. Так, экономический рост «запускался» в двух случаях: при ослаблении силы государства (например, во время правления Анны Иоанновны или при нэп в 1920-е гг.), а также при активном вмешательстве государства, эксплуатирующего население (правление Петра I, коллективизация при Сталине как примеры деспотического экономического роста). Ценой деспотического роста оказывались репрессии и снижение свобод. Это, в частности, может стать серьезным аргументом для пересмотра оценки роли авторитарной власти в российской истории. В краткосрочной перспективе деспотический экономический рост может обеспечить существенный прирост ВВП (и в этом смысле быть даже более эффективным, чем инклюзивный экономический рост), однако он создает высокие социальные издержки и, как правило, используется при наличии непосредственной угрозы извне или для воплощения в жизнь амбициозных планов политической элиты. В противном случае она заинтересована в сохранении статус-кво, свидетельством чему стали падение темпов роста экономики СССР и последующий распад государства²⁰.

²⁰ Авторы выражают благодарность д.э.н., профессору А.Е. Шаститко за помощь в подготовке статьи.

Список литературы

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2016. 693 с.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Узкий коридор. М.: АСТ, 2021. 704 с.
- Аллен Р.С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции / пер. с англ. Е. Володиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 390 с.
- Бердяев Н.А. Русская идея (Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века). Париж, 1946. 260 с.
- Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI в. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. 552 с.
- Гоббс Т. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989.
- Григорьев Л.М. Петр Первый – царь догоняющего развития // Вест. Моск. ун-та. 2023. № 2. С. 20–44.
- Гринин Л.Е. Модернизационные (постмальтузианские) ловушки // История и Математика: Аспекты демографических и социально-экономических процессов. 2014. С. 98–127.
- Зимин А.А. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 288 с.
- Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964 (2-е изд., испр. и доп., под названием «Опричнина». М., 2001).
- Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. 511 с.
- Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Лекция 80. М.: Мысль, 1988.
- Манн М. Источники социальной власти: В 4 т. Т. 2. Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы. Кн. 1 / пер. с англ. А.В. Лазарева; под науч. ред. Д.Ю. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
- Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: Росспэн, 2006.
- Монтескье Ш. Избранные произведения / под общ. ред. М.П. Баскина. М.: Политиздат, 1955.
- Норт Д.К., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара, 2011. 480 с.
- Олсон М. Диктатура, демократия и развитие // Экономическая политика. 2010. № 1. С. 167–183.
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. М.: Академический проект, 2013.
- Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: Академический проект, 2016.
- Трубицын Д.В. Институты, индивиды и отношения в процессе модернизации // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 125–140.
- Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. М.: Рипол Классик, 2013.
- Шаститко А.Е. Между Сциллой деспотизма и Харибдой социальных норм (о книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Узкий коридор: государства, общества и судьба свободы») // Вопросы экономики. 2020. № 1. С. 145–156.

Aaltonen H., Eloranta J. Acemoglu, Daron; Robinson, James (2019), *The Narrow Corridor. States, Societies, and the Fate of Liberty*, Penguin Publishers, New York. 576 p. // *Configurações*. 2020. P. 151–154.

Acemoglu D., Robinson J.A. *The emergence of weak, despotic and inclusive states*. 2017.

Adams R. *Newbold Energy and Structure: A Theory of Social Power*. University of Texas Press, 1975.

Berman S. *The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty*. By Daron Acemoglu and James A. Robinson. New York: Penguin Press, 2019. 576 p. // *Perspectives on Politics*. 2020. No. 18 (3). P. 903–905.

Broadberry S., Korchmina E. *Catching-up and falling behind: Russian economic growth, 1690s–1880s*. 2022.

Coase R., Wang N. *How China became capitalist*. Springer, 2016.

Dixit A. «Somewhere in the Middle You Can Survive»: Review of *The Narrow Corridor* by Daron Acemoglu and James Robinson // *Journal of Economic Literature*. 2021. T. 59. No. 4. P. 1361–1375.

Eastman W. *The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty*, by Daron Acemoglu and James A. Robinson. New York: Penguin Press, 2019. 558 p. // *Business Ethics Quarterly*. 2021. No. 31 (1). P. 168–171.

Holcombe R.G. Daron Acemoglu and James A. Robinson: the narrow corridor: states, societies, and the fate of liberty // *Public Choice*. 2020. No. 184. P. 463–466.

Lamberti J.C. Montesquieu in America // *European Journal of Sociology*. *Archives Européennes de Sociologie*. 1991. T. 32. No. 1. P. 197–210.

Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. A contribution to the empirics of economic growth // *The quarterly journal of economics*. 1992. T. 107. No. 2. P. 407–437.

Matera R. Wykorzystanie koncepcji Acemoglu i Robinsona do oceny Lewiatanów w krajach Europy Środkowo-Wschodniej w długim okresie // *Comparative Economic Research*. *Central and Eastern Europe*. 2022. No. 25 (3). P. 63–89.

Neyapti B. Daron Acemoglu and James A. Robinson: *The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty* // *Journal of Economic Issues*. 2022. Vol. 56 (1). P. 284–287.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. Cambridge University Press, 2009.

Spithoven A. *The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty*: by Daron Acemoglu and James A. Robinson. New York: Penguin Press, 2019 // Hardcover. 2022. 576 p.

Surdea-Hernea V. Book review: *The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty* // *Romanian Journal of Society and Politics*. 2021. T. 15. No. 2.

Wade R.H. *The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty* // *Journal of Development Studies*. 2022. T. 58. No. 1. P. 204–209.

Bolt J., van Zanden L.J. Maddison style estimates of the evolution of the world economy, 2020: URL: <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2020?lang=en> (дата обращения: 20.05.2023).

RUSSIAN LEVIATHAN THROUGH THE PRISM OF THE MODIFIED CONCEPTION OF “NARROW CORRIDOR”

**Gleb S. Belyakov,
Artem A. Zhulikov**

*Master's student,
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics,
Philosophy and Economic Methodology Department
(Moscow, Russia)*

Abstract

The concept of «narrow corridor» by D. Acemoglu and J. Robinson, which explains the relationship between political development and economic prosperity, launched a wide discussion in foreign and Russian scientific literature. During it a number of critical remarks were made, which our work is devoted to overcome. The premise of recognizing Leviathan's heterogeneity is proposed as the directions for the development of the concept. Also, the factors that limit the «ultimate boundaries» of his power in the vertical and horizontal dimensions: technological progress (including in the field of information transfer) and the complication of political organization are proposed. To demonstrate the advantages of the modified model, we consider a specific case of the development of Russian statehood through the prism of the concept.

Keywords: Narrow Corridor, Leviathan, despotic economic growth, economic history of Russia, modified model.

JEL: N00, O43.

For citation: Belyakov, G.S., Zhulikov, A.A. (2023) Russian Leviathan through the Prism of the Modified Conception of “Narrow Corridor”. Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal, vol. 15, no. 3, pp. 50-67. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-3-50-67.

References

Adzhemoglu D., Robinson Dzh.A. Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety. M.: AST, 2016. 693 p. (In Russ.).

Adzhemoglu D., Robinson Dzh.A. Uzkiy koridor. M.: AST, 2021. 704 p. (In Russ.).

Allen R.S. Ot fermy k fabrike: novaya interpretatsiya sovetskoy promyshlennoy revolyutsii. Per. s angl. E. Volodinoy. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2013. 390 p. (In Russ.).

Berdyayev N.A. Russkaya ideya (Osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka). Parizh, 1946. 260 p. (In Russ.).

Vallersteyn I. Mir-sistema Moderna. T. I. Kapitalisticheskoe sel'skoe khozyaystvo i istoki evropeyskogo mira-ekonomiki v XVI v. M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2015. 552 p. (In Russ.).

- Gobbs T. Soch.: V 2 t. M.: Mysl', 1989 (In Russ.).
- Grigor'ev L.M. Petr Pervyy – tsar' dogonyayushchego razvitiya. Vest. Mosk. un-ta. 2023. No. 2. P. 20–44 (In Russ.).
- Grinin L.E. Modernizatsionnye (postmal'tuzianskie) lovushki. Istoriya i Matematika: Aspekty demograficheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov. 2014. P. 98–127 (In Russ.).
- Zimin A.A. Vityaz' na rasput'e: feodal'naya voyna v Rossii XV v. M.: Mysl', 1991. 288 s.
- Zimin A.A. Oprichnina Ivana Groznogo. M., 1964 (2-e izd., ispr. i dop., pod nazvaniem «Oprichnina»). M., 2001) (In Russ.).
- Zimin A.A. Reformy Ivana Groznogo: Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rossii serediny XVI v. M., 1960. 511 p. (In Russ.).
- Klyuchevskiy V.O. Soch.: V 9 t. Vol. 3. Kurs russkoy istorii. Lektsiya 80. M.: Mysl', 1988 (In Russ.).
- Mann M. Istochniki sotsial'noy vlasti: V 4 t. Vol. 2. Stanovlenie klassov i natsiy-gosudarstv, 1760–1914 gody. Kn. 1. Per. s angl. A.V. Lazareva; pod nauch. red. D.Yu. Karaseva. M.: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS, 2018 (In Russ.).
- Milov L.V. Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa. M.: Rosspen, 2006 (In Russ.).
- Montesk'e Sh. Izbrannye proizvedeniya. Pod obshch. red. M.P. Baskina. M.: Politizdat, 1955 (In Russ.).
- Nort D.K., Uollis Dzh., Vayngast B. Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva. M.: Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2011. 480 p. (In Russ.).
- Olson M. Diktatura, demokratiya i razvitie. Ekonomicheskaya politika. 2010. No. 1. P. 167–183 (In Russ.).
- Rybakov B.A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv. Proiskhozhdenie Rusi i stanovlenie ee gosudarstvennosti. M.: Akademicheskii proekt, 2013 (In Russ.).
- Rybakov B.A. Remeslo Drevney Rusi. M.: Akademicheskii proekt, 2016 (In Russ.).
- Trubitsyn D.V. Instituty, individy i otnosheniya v protsesse modernizatsii. Voprosy ekonomiki. 2020. No. 12. P. 125–140 (In Russ.).
- Cherepnin L.V. Obrazovanie Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. M.: Ripol Klassik, 2013 (In Russ.).
- Shastitko A.E. Mezhdru Stsilloy despotizma i Kharibdoy sotsial'nykh norm (o knige D. Adzhemoglu i Dzh. Robinsona «Uzkiy koridor: gosudarstva, obshchestva i sud'ba svobody»). Voprosy ekonomiki. 2020. No. 1. P.145–156 (In Russ.).
- Aaltonen H., Eloranta J. Acemoglu, Daron; Robinson, James (2019), The Narrow Corridor. States, Societies, and the Fate of Liberty, Penguin Publishers, New York. 576 p. Configurações. 2020. P. 151–154.
- Acemoglu D., Robinson J.A. The emergence of wear, despotic and inclusive states. 2017.
- Adams R. Newbold Energy and Structure: A Theory of Social Power. University of Texas Press, 1975.
- Berman S. The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty. By Daron Acemoglu and James A. Robinson. New York: Penguin Press, 2019. 576 p. Perspectives on Politics. 2020. No. 18 (3). P. 903–905.
- Broadberry S., Korchmina E. Catching-up and falling behind: Russian economic growth, 1690s–1880s. 2022.
- Coase R., Wang N. How China became capitalist. Springer, 2016.

Dixit A. «Somewhere in the Middle You Can Survive»: Review of The Narrow Corridor by Daron Acemoglu and James Robinson. *Journal of Economic Literature*. 2021. T. 59. No. 4. P. 1361–1375.

Eastman W. The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty, by Daron Acemoglu and James A. Robinson. New York: Penguin Press, 2019. 558 p. *Business Ethics Quarterly*. 2021. No. 31 (1). P. 168–171.

Holcombe R.G. Daron Acemoglu and James A. Robinson: the narrow corridor: states, societies, and the fate of liberty. *Public Choice*. 2020. No. 184. P. 463–466.

Lamberti J.C. Montesquieu in America. *European Journal of Sociology. Archives Européennes de Sociologie*. 1991. T. 32. No. 1. P. 197–210.

Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. A contribution to the empirics of economic growth // *The quarterly journal of economics*. 1992. T. 107. No. 2. P. 407–437.

Matera R. Wykorzystanie koncepcji Acemoglu i Robinsona do oceny Lewiatanów w krajach Europy Środkowo-Wschodniej w długim okresie. *Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe*. 2022. No. 25 (3). P. 63–89.

Neyapti B. Daron Acemoglu and James A. Robinson: The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty. *Journal of Economic Issues*. 2022. Vol. 56 (1). P. 284–287.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. Cambridge University Press, 2009.

Spithoven A. The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty: by Daron Acemoglu and James A. Robinson. New York: Penguin Press, 2019. Hardcover. 2022. 576 p.

Surdea-Hernea V. Book review: The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty. *Romanian Journal of Society and Politics*. 2021. T. 15. No. 2.

Wade R.H. The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty. *Journal of Development Studies*. 2022. T. 58. No. 1. P. 204–209.

Bolt J., van Zanden L.J. Maddison style estimates of the evolution of the world economy, 2020: Available at: <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2020?lang=en> (Accessed: 20.05.2023).